7 Rue Larousse (XV) 8/VI [1923] 154

SORBONNE

Дорогой Михаил Ивановичъ!

Пишу тебѣ только нѣсколько словъ, чтобъ успокоить тебя. Конечно было бы лучше, если бы я назначилъ второй на 3, 4 недѣли раньше. Тогда бы уже все вмѣстилось — и было бы отлично и просто. Но, и теперь, бог даст, все устроится. Да уже сегодня говорил кой с кем и все дают надежды, что дело устроится. Надо лишь, чтобъ мы могли вполнѣ разсчитывать на то, что будем нужны на годъ существованія будущей работы. Возможно, что еще я с. Чит. и приятно тебя увидѣть. Мы сами поговорим въ сановницѣ и тогда надо сообщить — а сейчас уезжаю куда нибудь въ деревню, тогда бы въ тоже Salzselli ф'я, где я был. Тамъ и дешево и хорошо — и молочная кормлюсь фаршированными лорнетами и я ту да, правду — не сейчас. Тогда и

от теперь волнует — что только дни задерживают. Наши сейчас время — кажется все о дне думают. Как мы и Г. Л. острим: Бергсон учит нас не

рентов ни раз agir — а сами в дней не нуждаемся. Я не хочу, чтоб мы думали не хорошо, чтоб дни сроковые, а как нужно все время agir и agir к нашей цели, вопреки до крайней цели.

Скоро выходит (но, увы! по французски, а не по русски!) и Сильвия и Наши. Кравец мы ждем, конечно, что мне за нее платить будешь.

Другие новости нет. Пишу о сост. этого не дописанного фр. „Е. Жиб." Наши скучают.

Мама рад — а Ирина Мам Борисовна обнимает тебя Левушка

Z. Rue Sarasate (XV)

21/VI. 23. 155

Дорогой Максимилиан Александрович

Прошу, чтобы не сразу отвечал: столько заботы и хлопотъ вмѣстѣ, что совсѣмъ весь день разбѣгаешься, никакъ не улучишь времени, чтобы письмо написать. Хочу дождаться вполнѣ опредѣленныхъ дѣлъ, — и попасть въ Тушинъ — мать повидать, поговорить и т. д. Здѣсь кажется очень дорого. Я мечусь туда-сюда, т.к. очень было сильно невыгодно — особенно съ Украиной. — Для себя у меня уже есть 2000 фр. Да 1500 фр. Сем Ив. купилъ кружевъ и сегодня, чтобъ не терять времени, много помогъ мнѣ хлопотъ. Когда наберется еще 1500 или 2000 фр. — лучше еще. Надѣюсь, что мнѣ удастся все тамъ обстроить себѣ до будущей весны. Пока фотографии все узнаю и раскину, какъ тамъ идутъ дѣла. Кажется, будучи вблизи, попасть хотя на 2, 3 осенних мѣсяца въ Швейцарію с Довесом. Я (и особенно А. Е.) очень настаиваемъ на томъ, чтобъ мы, если только это окажется осуществимымъ, не отказывался отъ Довеса. Можетъ мой совѣтъ показался обидѣвшему отъ своихъ предположеній и проекта

уже можно будет ждать на будущую весну если
только домой пошлят. Мы до сих пор живем
на половину и отчасти, как только попа-
ть в восточную часть уезда, сильно любуемся.
Нужно кончить довести дело до конца. Вот
(5)
(8)
ан мы, большой, вернемся в Москву, и вот, и
решим Вам отправлю вам бы в удаленное поместье
Конечно, окончательно еще не решим, пока не
будем совершенно, конечно мы предпочтем дале-
(10)
ко. Но, пока еще не будем вам писать и ин-
тересу вам. Пишите, пишите мне получаете, пи-
шите мне бесконечно, самой откровенной, пи-
шите мне.
Умоляю никого не бойтесь. Если будете вы, пошлю
с Германии. Вчера бы хотелось повидаться
с тобой. Но, не знаю, пока мне сделать: мне
(17)
нужно с Ивановым, Кесом, Бергом и Львовым
а мне с Ивановым. Невозможно! Можно в-
ремя задержаться — не знаю, совсем не. Спасибо
за приглашение — пока еще ничего о нас дать не
можем. Крепко вас вспоминаю ваш
Сергей. Обнимаю тебя
Сергей
Посылаю квитанцию и Ушинского на 1 р. 50 к.

7. Rue Sarasate
Paris (XV)

SORBONNE

Четверг 4/VII.23.

Дорогой Михаил Осипович!

Да, должно быть, уже сердитесь на меня за мое долгое молчание. Но, у меня столько хлопотъ и волненій среди отъѣзда (съ переводчиками, изданіемъ, предсѣдательствомъ, комиссіями конгрессовъ, редакціями и т. д. и т. д.), что долгой совѣсть было мнѣ приходить. Теперь, слава Богу, все къ концу приходитъ и, если ничто не помѣшаетъ, въ субботу выѣду въ Висбаденъ, и пишите — Wiesbaden, Gartenstrasse, 20 — (Pr. Schw.-Jenatov), а оттуда въ Берлинъ и т. д.

Твои дѣла окончательно устроены: тѣ обѣщанія на годъ на тысячи франковъ — мнѣ въ этомъ порукою свои надежные люди. Сейчасъ же у меня для тебя такъ: 1) уже выслано 1500 фр. (тѣ, что уже получил. 2) (73)
2) уже выслано 1000 фр. (вдругъ, тоже, уже получил)
3) у меня лежитъ 3000 фр. (Сам. Ив. отъѣзд. Ф. Леон.)

Можетъ быть до отъѣзда еще мне что-нибудь пришлю, но во всякомъ случаѣ до 1го ноября сей уже лежитъ деньги. Въ концѣ Сентября я вернусь въ Парижъ и вновь пришлю, согласно данныхъ мнѣ обѣщаніямъ, дальнѣйшія деньги. Мѣсяцы будутъ совершенно спокойны: люди, съ которыми я имѣю дѣло, вполнѣ

надобно. Когда увидишься, я расскажу тебе все подробно и тебе сам убедишься (хотя, может и мои слова показ-
бутся — я опять в таких случаях беспощадно постоянен), что я не преувеличиваю. Теперь тебе нужно думать только о чистой, чтобы к будущей весне нам
было тебе вернуться в Россию совсем здоровым. Я
молюсь для тебя о Давосе: для него это чудесно.
Помимо того, что идеально в медицинском смысле — тонко, кроме того, что и другой отдых:
такая тонкая дивная природа. Все только слушай
меня: сей раз, я в десятый раз прошу тебя, хотя и
занимаюсь философией.
Привезу или пришлю тебе свою новую работу — ба!
все по французски. По русски не скоро выйдет: в „Об.
Записках" тесно, а в „Окне" мне запрещено по вто-
рой категории и я тоже больше не могу сотрудничать.
Помимо того по французски для Марии Борисовны
les révélations de la mort (Дост. и т.), т.к. ее, как
она пишет, как для меня занимали эти вопросы, потому
я в этой книге нахожен. А тебе „Дек. и Спинозу"
и Паскаля. Это все части одной книги „Стран-
ствования по душе". Она уже совсем готова — нуж-
но только переписать по ней заглавовно.
Что до Бурберга — то я его „не отдам"! У

(5)

(15)

(19)

157

4.7.23

SOP

нас со мной дикая одинокая ссора, что и вот.
Я отлично понимаю, что это не Л. сжег мою
книгу, и не Л. тоже (то еще он этого не знает),
требовать с него — да разве трудно на нашем
угрюмом — истерическом возвращении получить
много сведений для того, что в отличном его (6)
/ездовом в „Ц. Ф. О" обедном „Слово". Все это — не
Луначарский, конечно, а большевики, в которых он
присутствует. И в этом весь урок, что даже
такие люди, как Л., раз они подают руку
большевикам, уже не могут не делать мерзостей
и гадостей. Если бы Л. знать, что тому назад
лет пятьдесят сказал, что он уничтожит мою
книгу или будет мне грозить судебным приго- (14)
вором, зная что я едва едва свою жизнь с лоша-
ди — он дал пример этого головой грустящим (16)
клеветником. А когда начал в Комиссии Ленина,
Луначарского, Зиновьева и т. д. — сам, на самом (18)
деле все это сделал. И не могу не сделать.
Но в письме бы этого всего не раскроешь

Когда увидимся — расскажу подробно.

Увидеться трудно нашей Вере от того же самого.

Тебе не придется домой попасть — тебя отъ отца

трудно будет. Уже лучше я на Кой поеду —

не много позже когда Сашеньке мне необходимо

(6) матери

и маленькая. Она, бедная, вряд не доживет.

Потомъ, вероятно, приедетъ в Кёльн и во всякомъ

случае в Берлин. Потомъ трудно в Salzschlirf,

появится — а мы Salzschlirf'a, другого, в конце

августа уже мало будем и на Кой попасть —

мы спишемся.

Кажется, обо всем написал.

Пишет Лерой Борисовичъ и диктует он

мне и нашей всем. Обнимаю тебя

Твой Ж

copie 154

7. rue Sarasate, Париж XV-е
8. 6. [1923] ~~1924~~

Дорогой Михаил Осипович!

Пишу тебе только несколько слов, чтоб успокоить тебя. Конечно было бы лучше, если бы я начал хлопотать на 3, 4 недели раньше. Теперь бы уже все выяснилось - и было бы определенно и прочно. Но, и так, Бог даст, все устроится. Я уже сегодня говорил кой с кем и все заявляют, что дело устроится. Так что ты можешь вполне рассчитывать на то, что средства нужные на год существования будут добыты. Возможно, что еще с ~~С.Н.~~ с. Вл. я пришлю тебе кое что. Ты сам поезжай в санаторий и ~~ложись~~ лечись как следует - а семью устроим где нибудь в деревне, хотя бы в том же Зальцшлирф-е, где я жил. Там и дешево и хорошо - и молочных продуктов достаточно. Может и я туда приеду - к июлю. Хотел бы теперь же выехать - но разные дела задерживают. Такое сейчас время - нужно все о делах думать. Как мы с Г.Л. острили: Бергсон учит: Nous ne penson que pour agir - - а сам в действии не нуждается. Я же учу, что мы думаем не затем, чтоб действовать, а принуждены все время agir et agir. И так уж верно, до гробовой доски.

Скоро выйдут /но, увы! по французски, а не по русски!/ и Спиноза и Паскаль. Привезу их тебе, хотя верно, ты меня за них бранить будешь.

Других новостей нет. Пиши о себе.
Отчего не прислал статьи для "Е.Триб.*"? Там ждут ее. (?)

Привет Марье Борисовне.

Обнимаю тебя

Твой Л.Шестов.

* Еврейской Трибуны

SOBNE

copie 155

7. Rue Sarasate Paris XV-e
21. 6. 1923

Дорогой Михаил Осипович!

Прости, что не сразу ответил: столько забот и хлопот всяческих, что совсем весь день разбивается, никак не улучишь время, чтоб письмо написать. Хочу закончить возможно скорее дела, - и поехать в Германию - мать повидать, полечиться и т.д. Здесь лечиться очень дорого. А лечиться нужно, т.к. очень было зимой неважно - особенно с глазами.

Для тебя у меня уже есть 2000 фр. На 1500 фр. Сем.Вл. купит перевод и сегодня, чтоб не терять времени, прямо пошлет их тебе. Когда наберется еще 1500 или 2000 фр. - пошлю еще. Надеюсь, что мне удастся все таки обеспечить тебя до будущей весны. Хотя окончательно все узнаю не раньше, чем через неделю. Кажется, будет возможность послать тебя на 2, 3 осенних месяца в Швейцарию в Давос бесплатно. Я /и особенно А.Е./ очень настаивает на том, чтобы ты, если только это окажется осуществимым, не отказывался от Давоса. Там ты можешь совсем избавиться от своих недомоганий и тогда уже можно будет тебе на будущую весну спокойно домой поехать. Ты до сих пор лечился на половину и оттого, как только попал в несколько худшие условия, снова заболел. Нужно решиться довести лечение до конца. (?), ты, больной, вернешься в Москву, и ты, и семья твоя окажетесь все вы в ужасном положении.

Конечно, окончательно нельзя решиться, пока не будет выяснено, какими ты средствами располагаешь. Но, чрез неделю я буду все знать и напишу тебе. О деньгах, которые ты получаешь, очень прошу тебя безотлагательно, хотя открыткой, извещать меня.

У меня ничего нового. Если будет виза, поеду в Германию. Очень бы хотелось повидаться с тобой. Но не знаю, как это сделать: мне нужно в Висбаден, Кельн, Берлин и Зальцшлирф а ты - в Шварцвальде. Посмотрим! Таня теперь экзаменуется - не знаю, выдержит ли.

Спасибо за приглашение - пока еще ничего о ее лете не решили.

Привет вам всем от нас всех.

Обнимаю тебя Твой Л.Шестов.

Посылаю тебе 2,33

copie 156-157

7. rue Sarasate. Paris XV-e

Четверг 4. 7. 1923

Дорогой Михаил Осипович!

Ты, должно быть, уже сердишься на меня за мое долгое молчание. Но у меня столько хлопот и беготни перед отъездом /с переводчиками, издателями, префектурой, немецким консульством, редакциями и т.д. и т.д./, что домой совсем без сил приходишь. Теперь, слава Богу, все к концу приходит и, если ничто не помешает, в субботу выеду в Висбаден, к матери /туда и пиши - Wiesbaden, Gartenstrasse, 20 - D-r Schw.-Schestov/ а оттуда в Берлин и т.д. 6.7.23

Твои дела окончательно устроены: ты обеспечен на год на тысячи франков в месяц - мне за это поручились вполне надежные люди. Сейчас же у меня для тебя набралось 1) уже высланные 1500 фр. /ты их уже получил./ 2) уже высланные 1000 фр. /верно, тоже уже получил/ 3) у меня наличных 3000 фр. /Сем.Вл. отвезет Гер.Леопольд./ Может быть до отъезда еще кое что получу, но во всяком случае до 1-го ноября есть уже наличные деньги.

В конце сентября я вернусь в Париж и вновь получу, согласно данным мне обещаниям, дальнейшие деньги. Можешь быть совершенно спокоен: люди с которыми я имею дело, вполне надежны. Когда увидимся, я расскажу тебе все подробно и ты сам убедишься /хотя можно и на мои слова положиться - я очень в таких случаях осмотрителен и осторожен/, что я не преувеличиваю.

Теперь тебе нужно думать только о лечении, чтоб на будущей (?) было тебе вернуться в Россию совсем здоровым. Я хлопочу для тебя о Давосе: это было бы чудесно. Помимо того, что это идеально в медицинском смысле - там, кроме того, ты и душой отдохнешь: такая там дивная природа. Ты только слушайся меня: ей Богу, я в десять раз практичнее тебя, хоть и занимаюсь философией.

Привезу или пришлю тебе свои новые работы - увы! все по французски. По русски не скоро выйдет: в "Сов.Записках" тесно, а в "Окно" мне заплатили по второй категории и я там больше не могу сотрудничать.

Пошлю тоже по французски для Марии Борисовны les révélations

(Paris 4. 7. 1923 2.

de la mort (Дост. и Т.), т.к. ее, как она писала, занимали те вопросы, которых я в этой книге касался. А тебе "Дек." и Спинозу" и Паскаля. Это все части одной книги "Странствования по душам". Она уже совсем готова - нужно только написать к ней предисловие.

Что до Лунберга - то и я его "не осуждаю". У нас с ним личные отношения те-ли, что и были. Я отлично понимаю, что это не Л. сжег мою книгу, и не Л. тоже /ты еще об этом не знаешь/, требовал с меня - да как грубо и с какими угрозами - немедленного возвращения полученного мною задатка за то, что я отказался от предсеательства в "Ц.Ф.О." обидел "Скифы". Все это - не Лунберг, конечно, а большевики, к которым он пристегнулся. И в этом весь ужас, что даже такие люди, как Л., раз они подают руку большевикам, уж не могут не делать низостей и гадостей. Если бы Л. пять лет тому назад кто нибудь сказал, что он уничтожит мою книгу или будет мне грозить судебным приставом, зная что я едва едва свожу концы с концами - он назвал этого человека гнуснейшим клеветником. А когда попал в компанию Ленина, Луначарского, Зиновьева и т.д. - сам, на самом деле все это сделал. И не мог не сделать. Но в письме об этом всего не расскажешь. Когда увидимся - расскажу подробно. Увидеться нужно нам во что бы то ни стало, Тебе не придется ко мне ехать - тебе это очень трудно будет. Уж лучше я к тебе приеду - не знаю только когда. Сейчас мне необходимо к матери - она, бедная, ждет не дождется. Потом, верно, придется в Кельн и во всяком случае в Берлин. Потом нужно в Зальцшлирф, полечиться - а из Зальцшлирфа, думаю в конце августа уж можно будет и к тебе попасть - мы спишемся.

Кажется обо всем написал.

Привет Марье Борисовне и детям от меня и нас всех.

Обнимаю тебя. Твой Л.Шестов.

SORBONNE

7. Rue Sorasoto
Paris (4r)

8/VII. 25 158

Дорогой Михаил Иванович!

Через несколько часов уезжаю в Виндзорск: надеюсь, задержек по дороге не будет и завтра днем я доеду. Жду твои сообщения последних сведений о твоих делах. В прошлом письме я писал, что выслано тобой 1500+1000 фр. в переводах на фамилию и имя моего переданно С.Ив. еще 3,000 фр., чтобы он в тайне не переводах посылал тебе. Но, оказалось, что тебе в переводах посылать неудобно — Большой выдумщик попался и он придумает другой способ. Завтра-вчера я получил от него другое письмо Иванов Иванович. Прилагаю тебе, в котором он настаивает, что Ill. Ill. постановило выдавать тебе по тысяче франков в месяц в течение 6 месяцев т.е. и уезжаю я, кроме того, во избавление недора-

Зуммин и мне сообщить твой адрес в Баден-Баден и просит дать посылать непосредственно. Таким образом у нас, может посылать (3) нас, если ты в Баден будешь. Когда вернешься в Париж - напиши и сообщи, что нам существовать и чем быть тебе обязаны.

Вера сделала все свои книги и статьи по французски не сделала подписи, чтобы не совсем цензурным волокитам: кого цензуру и кто-нибудь.

Всего доброго. Обнимаю тебя, всего наилучшего. Крепкий твой Толстой кланяется

Ивик

159

А. Е. поехала искать работы (она изучила массаж — мед. практикой ей нельзя по орган. заболеванию легких) во фр. изгнанн. пробуду у Е. Александровны еще дня три, четыре — и потом (все дела) в Берлин. Из Берлина — почту, вероятно, наконец, отправлюсь в Lauenstein bei Fulda (в нашем Августа). Если это уже вполне — то, конечно, очень хорошо и Е. Александровна вернется ко, нужно в Lauenstein — тогда уже я освобожусь от всех приготовлений и сообразо ограничусь. Тогда можно будет провести уже не два, три дня — а сколько захочу! А то, пожалуй, я и не успею — нигде повидать не только Ивановых и Марию Борисовну и других. Но всякому случаю — скоро, наконец, увидимся. Пока пишу лишь уже в Берлин, на адрес Г. Ком. Не сейчас отправлю его на Кармелиа я тоже еще раз напишу Вам. Получили его? Кланяйтесь М. Е. Обнимаю Вас, Ваш — Ив. Бун. Все дома в порядке, здоровы и бодры (кроме всех). Не нарвы прислали (Бел. новский и немного мне о нем рассказывает).

(5)

Четверг 12/VII 1923

Absender: Gartenstrasse, 20
Wiesbad. L. Шварцман-Шкловский

Дорогой Леонид Осипович!
Сейчас пришла мысль отправить
Омегу Вере непременно завтра:
скорей письма доходят
тоже на аэроплане и
мои корреспонденции
Нарва скоро пришла. — Здесь
я одна, без семьи-семьи
в Нарве остается. Поэтому
сдано полдня экзамены-конку-
рсы Lirence. Понедельник ли они
начнутся Германия - неизвестно

Postkarte

Herrn Professor
Gerschenson
Badenweiler bei Freiburg i/B.
Pension Deininger

C 154 (6.20)

[20.7.1923] 160

BORBONNE

BORBONNE

BERLIN W. 10
RAUCHSTR. 4

Дорогой Милан Осипович!

Как видишь — я уже в Берлине, вчера приехала. Просьбу здесь
дней, три, а может и четыре недели. В Висбадене, куда я попробовала
курорт, я почувствовала себя до того скверно, что боюсь ехать
и в Salzschlirf. Вообще курорт — для поправки здоровья, а не для
лечения. Здесь, в Берлине, я живу у д-ра Дитиноса, водит Тиргартен
и мне говорят, что это лучше всякого курорта. Д-р Дитиноса не-
обычайно дружески ко мне относится, так что мне удобнее ему на
шее, повидимому, и, если только я здесь стану поправляться —
то уеду отсюда одна от переутомления. — Твое письмо, полученное
в Берлине, мне не совсем понятно. Ты хочешь в Берлине заняться
зачем? Неужели все еще в России собираешься? Получил ли ты
мое последнее, короткое, письмо по Праге? И, вообще писал тебе, что
alliance israélite назначила выдавать тебе в течение месяцев шести по
шести франков (это сверх того, что я уже выслал тебе в сумме 3000 фр.),
что у (С. Ка.). Ты, значит, обеспечен на 9, 9 месяцев. Зачем бе
умываешь? И, что нет уверен в Берлине будешь делать? Любопыт, если
в Бодензее слишком дорого (хотя, уже вот прошла — опять стал
проходить), то бы куда нибудь на мою колонию. Напиши обстоятельнее,
а то я ничего не разбираю в твоих предположениях.

Твои критики меня, признаться, меня огорчили. Ты говоришь, что пи-
сано clare et distincte, но, повидимому, в моем изложении есть какой-

по крупной мысли. Если даже той, такой тонкий и умный читатель мог допустить, что я упрекну христиан за то, что они, окончив работу, отдыхают — значит я написал не clair и не distinct, и, конечно, понять, как тут меня огорчает. Будь у меня даже и разговор об этом опт. Книга называется „Rel. kos.", так вопрос о том только, почему апостол Иисуса были такие мистики и почему вину не дано было спать, а то время, когда другие спали (конечно, от великой усталости). Неужели такой вопрос не тревожит изобретателя? И неужели для него, которой мог уснуть обидно, если кто нибудь вспомнить и о Иисусе, которой тоже хотел уснуть („да минет меня чаша сія"), но которому уснуть не пришлось („да будет воля Твоя")? Мне кажется, что, наоборот. Или сверхлучшие стороны него и исповедь Иисуса не сталкиваются, не сливаются даже тогда, когда него они Иисуса отрекаются. И, вообще, вообще в „Nachlass" и в „Rel. de Christ" не Христовой вопрос даже затрагивается, а то, что с другой плоскости, чем тогда. Поэтому, я могу изобразить его что-то, что дало повод Гете к другому истолкованию. Могу, когда убедился, что я сказал, что я мысли (Gedanken) внушить Гете увидеть такое, что я сказать не хотел. Вообще, вы учись писать — и писать не научитесь никогда.

Пишите мне в Будапешт — адрес Пятницкого (вы конверт).

Очень могу увидеться, когда я вашем твоя и свое сговорились о времени. Сердечно обнимаю тебя. Привет

Мария Борисовна

Иванов

copie 158

7. rue Sarasate. Paris XV-e

8. 7. 1923

Дорогой Михаил Осипович!

Через несколько часов уезжаю в Висбаден: надеюсь, задержек по дороге не будет и завтра днем я доеду. Хочу тебе сообщить последние сведения о твоих делах. В прошлом письме я писал, что выслано тебе 1500 и 1000 фр. в переводах на доллары и что мною переуступано С.Вл. еще 3000 фр., чтоб он в таких же переводах послал тебе. Но, оказалось, что теперь в переводах посылать не удобно - большие выйдут потери и он придумает другой способ.

Затем еще - вчера я получил от председателя Alliance Israelite письмо, в котором он меня извещает что All. Isr. постановило выдавать тебе по тысячи франков в течение шести месяцев. Т.к. я уезжаю и, кроме того, во избежание недоразумений я им сообщил твой адрес в Баденвейлере и просил деньги послать непосредственно тебе. Таким образом у тебя, кроме посланных тебе, есть еще в запасе 9000 фр. Когда вернусь в Париж - получу и остальные, чтоб год существования и лечения был тебе обеспечен.

Вчера выслал тебе свои книги и статьи по французски. Не сделал надписи, чтобы не вызывать цензурной волокиты: когда приеду к тебе - надпишу.

Всего доброго. Обнимаю тебя, желаю поправления.

Привет Марье Борисовне и детям.

Твой Л.Шестов

copie 159

Висбаден 12. 7. 1923

carte?

Дорогой Михаил Осипович!

Сейчас пришла твоя открытка. Отсюда легче переписываться: скорее письма доходят. Хотя на этот раз и моя корреспонденция из Парижа скоро пришла. - Здесь я один, без семьи - семья в Париже осталась. Таня уже сдала последние экзамены - получила licence. Попадет ли она на лето в Германию - не известно.

А.Е. поехала искать работы /она изучила массаж - мед. практикой ей нельзя заниматься по французским законам/ во фр.курорт.

Пробуду я в Висбадене всего еще дня три, четыре - а потом /все дела!/ в Кельн и в Берлин. Из Берлина поеду, вероятно, наконец, отдыхать и лечиться в Зальцшлирф ок. Фульда /в начале августа/. Если ты уже выехал - то, конечно, очень хорошо и в Висбадене встретиться. Но, лучше в Зальцшлирфе - когда уже я освобожусь от всех действительных и воображаемых дел и тебе можно будет прожить у меня не два,три дня - а сколько захочется.

А то, может быть, я и к тебе приеду - чтоб повидать не только тебя, но и Марью Борисовну и детей. Во всяком случае - скоро, наконец, увидимся.

Ты пока пиши мне уже в Берлин, на адрес Г.Леоп.
В день отъезда из Парижа я тебе еще раз написал короткое письмецо. Получил его?

Привет М.Б. Обнимаю тебя Твой Л.Шестов.

Булг. уже давно в Праге, с женой и детьми /кроме Феди/. В Париж приехал из Праги Зеньковский и много мне о нем рассказывал.

copie 160 copie 160

Берлин [20(?) 7. 1923]

Дорогой Михаил Осипович!

Как видишь - я уже в Берлине, вчера приехал. Проживу здесь две, три, а может и четыре недели. В Висбадене, где я попробовал купаться, я почувствовал себя до того скверно, что боюсь ехать и в Сальцшлирф. Ведь курорт - для поправки здоровья, а не для ухудшения.

Здесь, в Берлине, я живу у д-ра Эйтинзона, подле Тиргартена и мне кажется, это лучше всякого курорта. Д-р Эйтинзон необычайно дружески ко мне относится, так что мое пребывание ему не в тягость, повидимому, и, если только я здесь стану поправляться - то уезжать отсюда было бы неразумно.

Твое письмо, полученное мною в Берлине, мне не совсем понятно. Ты хочешь в Берлин заехать - зачем? Неужели, все таки в Россию собираешься? Получил ли ты мое последнее, коротенькое, письмо из Парижа? Я ведь писал тебе, что Alliance Israelite постановило выдавать тебе в течение шести месяцев по тысячи франков / это сверх того, что я уже выслал тебе и сверх 3000 фр. кот. у С.Вл./. Ты, значит, обеспечен на 8 - 9 месяцев. Зачем же уезжать? И что ты теперь в Берлине будешь делать? Может, если в Баденвейлере слишком жарко /хотя, уж жара прошла - опять стало прохладно/ тебе бы куда нибудь к морю поехать. Напиши обстоятельно, а то я ничего не разбираю в твоих предположениях.

Твоя критика моего "Паскаля" меня огорчила. Ты говоришь, что написано claire et distincte, но, повидимому, в моем изложении есть какой то крупный изъян. Если даже ты, такой тонкий и умелый читатель мог допустить, что я упрекнул крестьянина за то, что он, окончив работы, отдыхает - значит я написал не claire и не distincte, и можешь понять, как это меня огорчает. Ведь у меня даже и разговору об этом нет. Книга называется "Гефсиманская Ночь", значит вопрос о том только, почему агония Иисуса была такая мучительная и почему Ему не дано было спать, в то время, ког-

copie 160

да другие спали (понятно, от великой усталости).
Неужели такой вопрос, по твоему незаконен? И неужели для Петра, который мог уснуть обидно, если кто нибудь вспомнит и о Иисусе, который тоже хотел уснуть ("да минет меня чаша сия), но которому уснуть не пришлось ("да будет воля Твоя")? Мне кажется, что наоборот. Или еще лучше: что спящий Петр и неспящий Иисус не сталкиваются. Не сталкиваются даже тогда, когда Петр от Иисуса отрекается. И, вообще, ведь в "Паскале" и в "Rev. de la mort " не этический вопрос рассматривается, а то, что в другой плоскости, чем этика? Так повидимому, в моем изложении есть что-то, что дало повод тебе к другому истолкованию. Может, когда увидимся и потолкуем, я выясню, что именно в книжке внушило тебе увидеть такое, чего я сказать не хотел. Век живи, век учись писать - и писать не научишься никогда.

Пиши мне в Берлин - адрес Эйтингона на конверте.
Очень хочется увидеться, когда я выясню твои планы и свои сговоримся о встрече.

Сердечно обнимаю тебя.

Привет Марье Борисовне.

Твой Л.Шестов